

КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

УДК 002.2

DOI: 10.33186/1027-3689-2021-5-109-128

Г. М. Казакова

*Южноуральский государственный аграрный университет,
Челябинск, Российская Федерация;*

*Сыктывкарский государственный университет
им. Питирима Сорокина, Сыктывкар, Российская Федерация*

Книжная культура: диалектика «статичного» и «динамичного»

Аннотация: Рассмотрена целостность книжной культуры с точки зрения диалектического единства «статичного» и «динамичного»: что обеспечивает интерес читателей и долгую жизнь печатной книги в историческом времени, а что является мобильной надстройкой, адаптирующей книжную культуру к изменениям времени, продлевая её жизнеспособность. Отмечено, что устойчивые статичные позиции в большей степени присущи субъекту-объекту и предметным категориям книжной культуры: человеку и книге/документу. Стабильность книжной культуры проявляется в её автономности и сохранении в меняющемся историческом и культурном ландшафте (гомеостаз, автопоэзис и самореференция). «Динамичное» книжной культуры воплощено в процессах организации, дезорганизации и самореорганизации. Обосновано, что интернет укрепляет фундаментальные основы печатной книги и печатного слова. Подчёркнуто, что в будущем функционал библиотек изменится: они будут работать офлайн и онлайн одновременно. Всё это повлияет на книжную культуру, породит её новые формы и содержание. Технологичная эпоха бросила вызов экосистеме человека. Происходящие глубинные процессы изменяют и книжную культуру. Но не стоит преувеличивать неукротимость этого процесса. Его можно анализировать, интерпретировать, а значит – и управлять им.

Ключевые слова: книжная культура, книга, диалектика «статичного» – «динамичного», системный подход, гомеостаз, автопоэзис, самореференция книжной культуры.

BOOK CULTURE

UDC 002.2

DOI: 10.33186/1027-3689-2021-5-109-128

Galina M. Kazakova

*South Ural State Agrarian University, Chelyabinsk, Russian Federation;
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russian Federation*

Book culture: The dialectic of the static and the dynamic

Abstract: The integrity of book culture is examined from the viewpoint of dialectical unity of the dynamic and the static: what ensures reader interest and long life of printed books in the historical time and what makes the mobile superstructure adapting the book culture to the changing environment and expanding its life. The author emphasizes that the book culture subject-object and subject categories, i.e. the humans and books/documents, take up the more stable and static positions. The book culture stability is manifested through its autonomy and persistence within the changing historical and cultural landscape (homeostasis, autopoiesis, and self-referencing). The dynamics is manifested in the processes of organization, disorganization and self-reorganization. The author substantiates that the World Wide Web enforces the fundamentals of the printed books and printed word; the functionality of libraries is to change in the future as they will be functioning both offline and online. These factors will influence the book culture and give rise to its new forms and contents. The technological era challenges the human ecosystem. The deep processes have been changing the book culture. However, the inevitability of the process must not be overestimated. Being analyzed and interpreted, the process can be managed.

Keywords: book culture, book, static – dynamic dialectics, system approach, homeostasis, autopoiesis, self-referencing of book culture.

Современной научной библиотеке необходимо глубинное понимание сущностных характеристик книжной культуры. Это важно для прогностических действий библиотечной инфраструктуры, её масштабирования и структурной перестройки.

Шесть лет назад мы попытались формализовать понятие *книжная культура*, опираясь на методологии системного [1] и культурологиче-

ского подходов как интегративное знание: книжная культура – это «целостная *саморазвивающаяся система* и часть общей культуры, которая включает в себя: *человека* как объекта и субъекта культуры одновременно, его специфическую *деятельность* по производству, распространению и потреблению всего связанного с книгой/документом, а также многоосновное предметное *бытие книги/документа* – материальное, духовное и художественно-образное» [2].

С тех пор терминологическая дискуссия вокруг понятия *книжная культура* только набирала обороты, расширяя его качественные и количественные границы. Научному сообществу стали очевидны принципиальные сдвиги в коллективном понимании сущностных характеристик книжной культуры, а именно:

содержательное различие понятий *книжная культура* и *книговедение* (первоначально синонимичных). *Книговедение* закрепилось в узко-профессиональной деятельности специалистов книжного дела, а понятие *книжная культура* стало ассоциироваться с универсальностью коллективного и индивидуального бытия и многообразными проявлениями взаимодействия с книгой/документом. Этот процесс не прошёл безболезненно для специалистов-книговедов, воспринимающих междисциплинарный интерес к книжной культуре как «ликвидаторский» по отношению к книжному делу [3];

расширилась методологическая составляющая исследований книжной культуры, многократно усилившая научное понимание этого явления с помощью исследовательских механизмов разных областей наук. Сегодня, кроме собственно книговедческого подхода (В. В. Добровольский и другие), можно говорить о структурно-функциональном, эволюционном (Ю. В. Тимофеева и другие), историко-культурном (В. И. Васильев и другие), антропологическом (Н. В. Лопатина), цивилизационном (Кшиштоф Мигонь и другие), институциональном/ неoinституциональном (Н. В. Лопатина), феноменологическом (Н. Кривич, А. Чукуров), герменевтическом, символическом, синергетическом (В. Я. Аскарлова), технологическом, информационном (Е. В. Динер и другие), документо-ведческом/«документологическом» (Ю. Н. Столяров), культурологическом (В. Л. Бенин, Р. А. Гильмиянова и другие) и прочих подходах.

Значителен вклад А. В. Соколова в осмысление проблем книжной культуры и библиотеки в инфосфере. Современные авторитетные жур-

налы, среди которых и «Научные и технические библиотеки», инициировали на своих страницах научную дискуссию по книжной культуре [4].

Всё перечисленное обогатило смежные дисциплины, так или иначе оперирующие понятием *книжная культура*: философию, культурологию, филологию, историю, социологию, политологию, экономику и др. Можно говорить о синтезирующем интегрирующем знании, которое углубляет понимание и расширяет горизонты науки.

Диалектика «статичного» и «динамичного» в книжной культуре

Подобное развитие темы лишь подогрело исследовательский интерес к самобытному явлению – книжной культуре [5]: к процессам её непрерывного изменения, рождения-отмирания, появления-исчезновения, поэтому новые ракурсы и исследовательские поводы в изучении неизбежны.

Мы ставим целью рассмотреть целостность книжной культуры с точки зрения диалектического единства категорий «статичного» и «динамичного». На наш взгляд, подобный методологический подход позволит определить:

фундаментальные основы, обеспечивающие стабильный интерес читателей и долгожитие книги и печатной книги в историческом времени («статичное»);

мобильную надстройку, функционально и оперативно адаптирующую книжную культуру к изменениям; продлевающую её жизнеспособность при смене исторических эпох («динамичное»).

«Статичное» как фундамент книжной культуры

Итак, «статичное» – это незыблемые основания, сохраняющие автономность и жизнеспособность явления в исторической перспективе, в событийной динамике. Оно раскрывается через процессы гомеостаза, самореференции и автопоэзиса.

Гомеостаз (греч. *Homoios* – подобный, одинаковый; греч. *Stasis* – стояние, неподвижность) – стабильное уравновешенное состояние открытой динамической системы, подвергающейся возмущению или разрушению. Иначе говоря, характеристика устойчивости в условиях прекращающегося воздействия [6].

Гомеостаз книжной культуры – кристаллизация в «материнской» культуре человечества со времён Гутенберга до эпохи «Майкрософта»; её узнаваемость, неопровержимое присутствие, а также поддержка таких существенно важных для её сохранения параметров, как структура, функции, субъектно-объектные отношения. Эти параметры стабильны, структурированы, иерархичны, поэтому книжный сегмент более надёжен и вызывает большее доверие у пользователей, чем информационная среда.

«Статичное» воплощается и в определённой соотносённости системы книжной культуры с самой собой; эволюционном воспроизводстве себя как единого целого в каждом историческом времени; самоидентификации объектов и субъектов книжной культуры – процессах самореференции [6]. Оно поддерживается процессами автопоэзиса.

Автопоэзис – понятие, означающее буквально самопроизводство, самоосознание, самописание, самоосмысление. Характеристика является маркирующей для сложносоставных систем, к которым мы относим и книжную культуру. Автопоэзис – это одновременно открытость и замкнутость системы, граница разделения и граница соединения, позволяющая взять из окружающего бытия всё необходимое, но при этом не раствориться, сохранить свою автономность, соотносённость и идентичность [Там же].

Эти три процесса описывают способность книжной культуры, как любой открытой системы, к самосохранению, самовоспроизводству и самоидентичности, учитывая внешнее вмешательство (организация и дезорганизация, прогресс и регресс, хаос и порядок и т.д.) и происходящее внутри (самоорганизация – сбалансированность или дисбаланс, созидание или разрушение и т.д.).

Появилась современная версия книги – электронная: она может «дублировать» печатную и/или быть самостоятельной, не имеющей бумажного аналога. Обе эти формы (печатная и электронная) при взаимодействии обладают своим запасом прочности.

Во-первых, создание электронной версии предшествует книгопечатанию, поэтому эти две формы – порождение друг друга. Во-вторых, книжная культура и информационная (экранная) медиаккультура с их

разными носителями и потребителями сближаются, но не сливаются друг с другом (режим автопоэзиса). Они взаимообуславливают друг друга, но это не уничтожает их качественную определённую и специфические свойства (принцип гомеостаза и самореференции). В-третьих, век электронной книги без печатной версии может быть весьма недолгим, поскольку шансы на забвение, потерю в информационном логосе и невостребованность читателем многократно повышаются.

«Спите спокойно, книги никуда не денутся». Умберто Эко

Эта цитата заимствована из статьи И. Г. Моргенштерна [7]. Совпадение по многим пунктам исследователей разных поколений и научных школ, на наш взгляд, можно расценивать как подтверждение истинности и преемственности идеи.

Как уже отмечено, книжная культура – трёхчастная структурная модель: «человек», «деятельность» и, собственно, «книга/документ». Устойчивые статичные позиции будут присущи в большей степени субъектно-объектной категории и предметным категориям книжной культуры – «человеку» и «книге/документу». Рассмотрим их как отражение «статичного» книжной культуры. В нашей интерпретации оно не исключает развития, означает вневременную и внепространственную жизнеспособность, поколенческую устойчивость и сохранность книжной культуры.

Фиксация бытия человека в материальном «теле» книги придаёт ей устойчивость и жизнеспособность, статус документальной основы. Документ всегда вещен, материален, постоянен, значим и даже незыблем как наиболее объективный артефакт той или иной историко-культурной эпохи. Он всегда самостоятелен и автономен от автора, передаёт предназначенную для общества информацию на материальном объекте [Там же].

«Стабильности» книги способствуют её специфические показатели: постоянство содержания, долговечность (особенно в библиотечном чтении), персонализированность в общении с читателем, мобильность (простота перемещения и независимость от внешних источников), лёгкость при использовании, удобный способ линейной презентации содержания [8].

Перечисленные показатели в совокупности со стратегией устойчивого развития в условиях социокультурных трансформаций позволяют книге сохранять ведущую и значимую роль по комплексу причин, а именно:

1. Книгу нельзя устранить из образовательного процесса; она является центрирующим элементом в религиозных практиках, объектом и произведением арт-дизайна, незаменима в качестве реликвии (подлинной, аутентичной ценности) или раритета. Печатная книга сохраняется в сфере досуга, в культурных практиках как предмет экспонирования и т.д. [9]. Устойчивость ей придают существенные характеристики: печатное слово существует не в новостном режиме, оно долго-, вне- или надвременно.

2. Чтение – условие грамотности (и наоборот), а грамотность – это условие мирового прогресса. Миссия и смыслы чтения как деятельности закладывают существенные основы становления и бытия человека: печатная книга доминирует в детском чтении (согласно комплексному исследованию РГБ, 48% детей и подростков предпочитают бумажные книги, а 23% – электронные) [10]. Модель детского чтения также претерпевает изменения (статус чтения, его репертуар, продолжительность, характер, способы работы с печатными и электронными текстами, читательские предпочтения и пр.), но она по-прежнему устойчива, так как массово поддерживается образованием [11. С. 26].

3. Жизнеспособность печатной книги подпитывается двумя встречными потоками, мотивирующими бытийную деятельность человека. Первый поток – стремление авторов к признанию [12. С. 7]. Используя термин *бытия-в-признанности*, автор определяет функцию чтения как «не только распаковку содержания высказывания, но и ещё актуализацию авторской индивидуальности в душе другого (“Душа в заветной лире / Мой прах переживёт и тленья избежит”)). Второй – читательский: выражающийся в растущей потребности в персональной навигации в потоке информации усложняющегося Бытия. Эта потребность и со стороны автора (самовыражение), и со стороны читателя (приобщение, «навигация» жизни) носит фундаментальный характер.

4. Печатную книгу поддерживают коммерческие интересы издателей, распространителей, а также всех, чья профессия так или иначе

связана с книгоизданием и книгораспространением (значительный актив в структуре и бизнеса, и кадрового рынка).

5. Книга – эстетически привлекательная вещь, наряду с иными формами обладания и коллекционирования. Это и хобби людей, пробуждающее исследовательский интерес, устойчивую привязанность, и форма относительно доступного досуга, не требующего затратных технических (компьютер, планшет, смартфон, интернет) и иных средств.

Динамика в статике: логика присутствия

Однако верно утверждение: в каждой статике присутствует динамика и наоборот. Их сбалансированность – условие жизнеустойчивости книжной культуры.

Диалектическая природа «статичного» и «динамичного» пронизывает все уровни и масштабы рассмотрения природы книги. В локальном диапазоне в книге стабильно лишь основное содержание. А текст, структура, знаково-семантические и смысловые характеристики, материальный носитель (внешняя форма, формат, шрифты и другие элементы) по мере переизданий и/или трансформаций (дайджесты, либретто, сценарии, сиквелы, продолжения, комментарии, толкования, отзывы, рецензии; электронные версии с ссылками и гиперссылками) – изменчивы, неустойчивы, динамичны [13. С. 151].

Соотношение категорий «статичного» и «динамичного» различается в разные эпохи. Их противоречие является условием прогресса или регресса, организации или дезорганизации, кризиса или подъёма. Но в любом случае это развитие книжной культуры, а не её смерть. Возможны периоды затухания и расцвета, но не гибели. Ибо документальный отпечаток прошлых и текущих эпох будет востребован, пока в человеке есть человеческое.

«Динамичное» книжной культуры проявилось и во взрывном развитии электронной книги. Простота, доступность; отсутствие фильтров, а также экономических, географических, социально-статусных и других барьеров; широта охвата – ценные преимущества электронной книги, позитивно влияющие на книжную культуру в целом. Информатизированная среда порождает, вместе с невиданными ранее возможностями, и значительную уязвимость электронной книги перед печатной: недо-

статочная надёжность средств связи, технических устройств, несовместимость программ, нестабильное электропитание. Но гораздо важнее другое: глобальная избыточность, подвижность и постоянная актуализация информации в безразмерной Сети сокращают её существование до минут, часов, в лучшем случае – дней. Через короткое время электронная книга утонет в информационном море интернета, её будет трудно найти даже с навигацией. А постоянная актуализация в Сети требует временных и финансовых затрат.

И активность ссылки, и посещаемость не гарантируют электронной книге долгую жизнь из-за отсутствия профессиональной оценки. Без таких фильтров, как отбор и рецензии специалистов, гарантирующих качество и значимость для читательского сообщества, велика вероятность, что электронная книга будет непризнанна и, как следствие, невостребованна. Вот почему библиотечное сообщество предлагает сохранять электронные книги путём их архивирования в фондах авторитетных библиотек. В противном случае книга «уснёт», потеряется в недрах Сети.

Книга, читатель и автор

С позиций субъектно-объектных отношений книжная культура также имеет устойчивость: читатель по-прежнему предпочитает традиционную книгу. Поскольку печатная книга формирует высокий уровень сознания и самосознания, развивает воображение, тренирует память, даёт знания, позволяет аналитически подходить к явлениям окружающего мира [14]. Наступление нейросетей; появление гибридного человека с искусственными компонентами психики и интеллекта; высвободившееся от рутинного труда время будут способствовать творчеству. Обучающие этому творчеству технологии станут как никогда востребованы. А книга – одна из таких технологий.

Действительно, интернет ощутимо повлиял на читателя. Однако социология чтения доказывает, что как деятельность оно сохраняется. Опрос, проведённый в 20 странах, позволяет сделать вывод: чтение тесно связано с финансовым благополучием, расой, полом, местом жительства (жители пригородов читают больше, чем жители сельских территорий и горожане) [15].

Образование родителей и время, которое ребёнок проводит за чтением, взаимосвязаны. Чтение в эпоху интернета поляризуется: читавшие много читают столько же и больше, нерегулярные читатели – меньше или вообще не читают. Существует и разрыв поколений – высокообразованные люди старшего возраста сохраняют привычку к чтению, более молодые – нет [15].

Современное чтение приобретает коллективные формы: книжный клуб, читательская группа, фан-группа, которые организуются публичными библиотеками, книжными магазинами, журналами, а также соцсетями. Чтение связано с понятием престижности. Современная образованная элита культивирует серьёзное чтение высокопробной художественной литературы, нон-фикшн [16], мейнстримных книг [17]. При этом интересы современных читателей разнятся, поляризуются по принципу «больше – больше» и «меньше – меньше», в силу чего общая совокупность читательских практик сбалансирована. Важен и другой вывод социологов: много читающие чаще интересуются интернет-чтением. «Класс читателей будет процветать, даже если чтение в среде широких слоёв придёт в упадок», – делают вывод зарубежные исследователи [15].

Устойчивость «статичного» – это и «вековые традиции книжной культуры». А. В. Соколов указывает на литературоцентризм духовной жизни, классическое культурное наследие, социальные институты книгоиздания, книжную торговлю, библиотечное дело, библиографию, библиофильское почитание книги [5. С. 15].

Печатное слово – критерий основательности, проверки временем. Коллективный интерес не угаснет, пока авторы не утратят вкуса к самовыражению в виде текстов, а читатели будут интересоваться этими текстами как концентрированным опытом, мировоззренческой универсальностью, готовыми ответами на вызовы времени. «Главная причина сохранения книжной культуры... – мир авторов. Воля к авторству надёжно охраняет культуру бумажной публикации и создает иммунный барьер, защищающий печатную книгу от экспансии оцифрованных текстов» [18. С. 8].

Таким образом, стабильность книги проявляется в её автономности в меняющемся историческом и культурном ландшафте. Границы книжной культуры как социокультурного явления – это одновременно

и границы соединения с внешней системой (берётся всё самое необходимое для развития), и разделения (независимость и автономность), что, в свою очередь, обеспечивает сохранность книжной культуры как системы (принцип автопоэзиса).

Процессы «динамичного» книжной культуры

Рассмотрим категорию «динамичного» применительно к книжной культуре.

«Динамичное» проявляется прежде всего в деятельности человека по производству, распространению и потреблению продуктов книжной культуры. Современный цифровой мир не отрицает устойчивости этих видов деятельности (книгопечатания, книгораспространения и книгопотребления). Книга уже пережила похожий процесс: рукописная заменялась печатной на протяжении XVI–XVIII вв. Долгое время они существовали параллельно. Затем начался рост печатных изданий: через 150 лет после начала книгопечатания, в 1600 г., было напечатано 6 тыс. книг, в 1700 г. – чуть более 13 тыс., в 1800 г. – около 19 тыс. А ещё через 100 лет количество напечатанных книг увеличилось восьмикратно – почти до 160 тыс. Это стало ярким примером достижений научно-технического прогресса. В 2000 г. рынок мировой книжной продукции вырос до более чем 2-х млн названий в год [19. С. 130, 131].

При таком взрывном интересе ни о каком забвении печатной книги нет и речи. Электронные каналы – лишь один из маркетинговых ходов: ценообразование, торговые скидки, прибыль, информирование, запросы в них осуществляются теми же способами, что и в обычном торговом обороте печатной продукции. С помощью интернет-технологий стратегии книжной культуры стали совершенствоваться и умножаться.

Книжная и информационная культуры: стратегии взаимодействия

Можно выделить несколько вариантов подобных стратегий. Одну из них описал М. Маклюэн. Свои новеллы он озаглавил так: «Новая электронная взаимозависимость возвращает мир к ситуации глобальной деревни», «В двадцатом веке происходит встреча алфавитного и электронного ликов культуры, и печатное слово начинает служить тор-

мозом в пробуждении Африки внутри нас» (алогичного мышления), «Книгопечатание превращает язык из средства восприятия и познания в товар» и т.д. [20].

Автор рассматривает книгопечатание как большое коммерчески выгодное предприятие, социальный механизм и орудие влияния на массовое сознание, способ рефлексии человека и воспроизводства его бытия. При таком подходе книгопечатание – довольно стабильный способ приложения человеческих сил, который не исчезнет в ближайшее время.

Другую стратегию определил известный книгоиздатель Майк Шацкин – как совокупность процессов атомизации, масштабирования, вертикальной интеграции и разуконплектации издательских функций [21].

По его мнению, атомизация книгоиздания приведёт к тому, что издателями станут университеты (что уже происходит), отдельные факультеты, адвокатские конторы, бухгалтерские и консалтинговые фирмы, библиотеки, клубы, музеи и др. Размеры производства станут конкурентным преимуществом, произойдут вертикальная интеграция (использование интернета для адресной доставки продукта) и разуконплектация – дезинтеграция комплекса услуг, традиционно предлагаемых авторам издателями [Там же].

Ещё одна стратегия изложена А. В. Соколовым. Она опирается на теорию ноосферогенеза К. К. Колина и А. Д. Урсула. Ноосферогенез – трансформация исторически сложившейся социосферы в ноосферу – гипотетическую сферу разума, в которой приоритетное место будет занимать коллективный общечеловеческий интеллект, управляющий коэволюцией природы и культуры. Для формирования ноосферного человека в условиях ноокультуры должны использоваться ресурсы книжной культуры, в документальных фондах которой сосредоточено культурное наследие человечества. «Отсюда следует, что вытеснение книжной культуры информационной электронной культурой – технократический миф, противоречащий социально-культурной эволюции человечества», – заключает А. В. Соколов [22. С. 16].

Таким образом, предполагаемые стратегии развития книжной культуры идут как по пути укрупнения, так и распада «на атомы», а также синтеза с интернетом. Это варианты адаптированного выживания и устойчивого развития. Эту позицию поддерживает и Т. А. Бруева:

«Постиндустриальная культура характеризуется тенденцией к симбиозу книжной и посткнижной культуры» [23].

Процессы организации, дезорганизации и самореорганизации книжной культуры

На наш взгляд, «динамичное» книжной культуры проявляется как диалектическая взаимообусловленность её трёх основных процессов: организации, дезорганизации и самоорганизации.

Этапы становления книжной культуры – исторической эволюционной и революционной «организации» (открытие печатного станка – эпоха Гутенберга; изобретение компьютера – эпоха «Майкрософта») – довольно подробно исследованы специалистами [3]. Гораздо меньше изучены процессы дезорганизации. А между тем это чрезвычайно интересная культурологическая проблема: кризис как проявление иррационального в рациональном, эпатажного в общепринятом, бунтарского в традиционном.

Стоит отметить работу А. Л. Посадкова [24], в которой названы характеристики кризиса/дезорганизации в книжной культуре.

Во-первых, это системное, всеобъемлющее явление: нарушение взаимодействия между обществом и сложившейся в определённую эпоху издательской деятельностью. Общество, включая государственные институты, обращается к другим формам своего существования и меняет самоидентификацию, а создание и усвоение книжной продукции временно «провисают» в вакууме новой реальности, лишившись прежних экономических, социальных, идейных и эстетических опор.

Во-вторых, кризисы книжной культуры как системные общественные явления не идентичны кризисам в книжном деле, которые могут иметь экономические причины (кризисы перепроизводства книги в 1926–1928 и 1994–1997 гг.), политическую подоплёку (репрессии работников отрасли и авторов книг в 1930-е гг.), технологическую составляющую (отсталость полиграфической базы в начале 1920-х гг. и после Великой Отечественной войны).

К числу кризисов книжной культуры автор относит события начала и конца XX в. В 1917–1923 гг. «в издательско-читательской среде сложилась, по культурологическим меркам, относительно нормальная ситуация». На рубеже XX–XXI вв. произошла отмена государственного

издательского лицензирования. Автор справедливо оставляет открытыми временные границы второго кризиса [24].

Однако А. Л. Посадков видит в кризисах исключительно «замедление», «разрушение», отток ресурсов, ослабление кадрового потенциала, «проявление крайностей» и угрозу фундаментальным законам книжной культуры, в частности преемственности [Там же].

Это понимание результатов кризиса однобоко. «Ядерные» явления книжной культуры как системы чаще всего идут в категории самоорганизации (точнее – самореорганизации). Самореорганизация обусловлена, в первую очередь, сменой мировоззренческих и когнитивных дискурсов общества, идентификационных матриц, технико-технологических парадигм, появлением новых общественных факторов, изменением коллективного и персонализированного сознания, новыми аксиологическими установками – т.е. изменениями в сфере массового коллективного сознания. Поэтому кризисы книжной культуры не совпадают с кризисами книжного дела, обусловленными материально-техническими, экономическими, политическими причинами.

Книжная культура: онлайн «и»/«или» офлайн?

Книжная культура обогатилась новыми возможностями генерации, хранения, передачи информации; появились новые формы и средства коммуникации (электронная почта, чаты, форумы, сервисы мгновенных публикаций, а также социальные медиа).

Во время пандемии резко выросли возможности коллаборации офлайн и онлайн, живого и электронного общения, печатной и информационной сфер логоса. В таких условиях книжная культура сама себя реорганизует по ряду направлений – технологическому, организационному, коммуникационному, содержательному, структурно-функциональному.

Технологическое: многократно выросли предложения разработчиков мультимедийных книг-приложений и устройств для чтения книг; появились ридеры с гибкими дисплеями, с технологиями цветных чернил; к тексту добавилось звуковое сопровождение (книги говорят, поют, откликаются на касание).

Организационное: в социальных медиа, где книга стала средством общения, самовыражения, идентификации, активно формируются сооб-

щества. Огромная инфраструктура поддерживает читательские навыки. Появляются специализированные книжные сервисы соцсетей ВКонтакте, Одноклассники, Фейсбук, Инстаграм, Яндекс.Дзен и др. Читательская деятельность стала саморегулироваться: читатели продуктивируют различные формы продвижения чтения через уточняющие, фактографические, тематические, адресные справки; текущее и справочное обслуживание с использованием интернет-приложений – рассылок и форумов; обсуждения прочитанного на форумах; обзоры и рекомендации в рамках сообществ и соцсети [25].

В западном обществе саморегуляция читательской деятельности в интернете несколько выше, чем в российском. Это постоянно действующие рабочие платформы, профессионально ориентированные на разные категории субъектов книжной культуры (авторов, издателей, агентов, книготорговцев, читателей); разный масштаб (локальные, городские, сельские, региональные, федеральные сообщества); разные формы консолидации (конференции, мастер-классы, обучающие курсы, фан-клубы).

В сети возродилось подзабытое «клубное движение» книголюбов – стихийное, самоорганизованное сетевое сообщество, консолидирующееся вокруг того или иного автора/персонажа фантазийного мира. Это сказалось на *коммуникационном* направлении книжной культуры: дистанция между читателем и писателем сокращается. Интернет масштабирует институциональные и корпоративные формы, которые поощряют и поддерживают книжную культуру, чтение как её деятельность: появились интернет-сервисы для книголюбов – «БИБЛА», «Большая бесплатная библиотека», литературно-художественный портал «Книголюб»; русскоязычные книжные сообщества *LiveLib*, *Bookmate*, *Two-books*, *Bfeed*, «*Либриссимо*» и др. Более того, именно распространение цифровых технологий, их тотальная открытость и доступность актуализировали проблему авторского права, вывели её на цивилизованные рельсы [26. С. 113].

Изменилось и *содержательное направление*: зарубежные авторы [15], ссылаясь на широкий спектр исследований (США, Великобритания, Нидерланды, Китай, страны Африки и др.), отмечают, что чтение стало соперничать с интернет-досугом. Они заявляют, что интернет способствует чтению и наоборот (растёт число гигантов электронной книжной торговли и их пользователей, интерактивных книжных групп;

чтение онлайн с последующим переходом к офлайну как маркетинговый ход интернет-магазинов и т.д.), а образованные представители среднего класса («обжоры от культуры») поддерживают диверсифицированный портфель культурного капитала, куда входит и Всемирная сеть.

Названные изменения привели к *структурно-функциональному обновлению* – расширению функций библиотек: они становятся накопителями и агрегаторами не только оцифрованных версий печатной литературы, но и электронных изданий и книг, нуждающихся в систематизации и обеспечении читателю удобного доступа. Пандемия выявила, что современной библиотеке необходимо решать эти задачи. Библиотека будет собирать массивы печатных и электронных книг, переводить бумажные версии в электронные и наоборот.

Заключение

Диалектика «статичного» и «динамичного» книжной культуры проявляется на разных уровнях: характеристика как общая, так и каждого её автономного качества. Стабильность книжной культуры придаёт неизменность человеку и книге как её субъекту и объекту; проявляется в автономности и сохранности в меняющемся историческом и культурном ландшафте (процессы гомеостаза, автопоэзиса и самореференции). Динамика реализуется в *деятельностных* процессах книгопечатания, книгораспространения и книгопотребления, а также организации, дезорганизации и самореорганизации. Их долевая совокупность (больше – меньше) будет определять периоды роста и упадка, прогресса и регресса книжной культуры.

Технологичная эпоха бросила вызов экосистеме человека. Происходящие глубинные изменения затрагивают и книжную культуру. В чём это проявится, как изменятся человек читающий, книга и чтение – покажет время. Но не стоит преувеличивать неукротимость этого процесса. Он анализируется, интерпретируется, а значит – управляется.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Каган М. С.** Философия культуры / М. С. Каган. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1996.
2. **Казакова Г. М.** О содержании и качественных границах понятия книжной культуры // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – 2012. – № 2 (30). – С. 71–73.
3. **Низовой Н. А.** «Книжная культура» или всё-таки «книговедение»? / Н. А. Низовой // Книга в информ. о-ве : материалы конф. 28–30 апр. 2014 г. Ч. 1. – Москва, 2014. – С. 476–477.
4. **Лютов С. Н.** Методологические основания междисциплинарных исследований современной книжной культуры / С. Н. Лютов // Науч. и техн. б-ки. – 2019. – № 9. – С. 56–70.
5. **Соколов А. В.** Рабочая дефиниция книжной культуры: преамбула межнаучного диалога // Библиогр. – 2019. – № 5 (424). – С. 14–37.
6. **Словарь** теории систем. – Режим доступа: https://ru.qwe.wiki/wiki/Glossary_of_systems_theory (дата обращения: 07.05.2020); Dictionary of system theory. – URL: https://ru.qwe.wiki/wiki/Glossary_of_systems_theory (appeal: 07.05.2020).
7. **Моргенштерн И. Г.** Динамика и статика книги (стабильность содержания как атрибут книги) // Книга. Исследования и материалы. – 2002. – Т. 80. – С. 147–160.
8. **Васильев В. И.** Культурно-историческое пространство и книжная культура: к вопросу об эволюции воззрений (по материалам исследований и публикаций последних лет) // Книж. культура: опыт прошлого и проблемы современности. Т. 1. Ч. 1. Культур.-истор. пространство и книж. культура. – Москва, 2012. – 543 с.
9. **Соковиков С. С.** Судьбы традиционной книги в современном культурном пространстве // Кризис чтения: судьбы преодоления. – Москва : МЦБС, 2013. – С. 33–41.
10. **Отчёт** о научно-исследовательской работе по теме «Проведение комплексного всероссийского исследования по проблемам детского чтения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://sociss.ucoz.ru/_ld/0/15.pdf.
11. **Вдовина Н. В.** Инновационное развитие российского общества и детская книга // Современ. проблемы книж. культуры: основ. тенденции и перспективы развития. – Минск : Центр. науч. б-ка НАН Беларуси; Москва : Науч. и изд. центр «Наука» РАН, 2015. – С. 23–27.
12. **Лишаев С. А.** Книжная культура в эпоху сетевой коммуникации (Об авторах, признании и о помощи трудностям) // Вестн. Самар. гуманитар. акад. Сер. «Философия. Филология». – 2010. – № 1 (7). – С. 3–12.
13. **Моргенштерн И. Г.** Динамика и статика книги (стабильность содержания как атрибут книги) // Книга: исслед. и материалы. – Москва, 2002. – Т. 80. – С. 147–160.
14. **Ленский Б. В., Васильев В. И.** «Галактика Гутенберга» и информационное общество // Книга: исслед. и материалы. – Москва, 2007. – Сб. 87. – Ч. 2. – С. 10–11.

15. **Грисфолд Венди, Макданнел Терри, Райт Натана.** Чтение и класс читателей в XXI веке // Новое литератур. обозрение. – 2010. – № 2. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/2/chtenie-i-klass-chitatelej-v-xxi-veke.html> (дата обращения: 06.05.2020).
16. **Казакова Г. М.** Нон-фикшн в современной книжной культуре // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – 2016. – № 3 (47). – С. 7–12.
17. **Казакова Г. М.** Мейнстрим в современной литературе: культурологический аспект // Вестн. культуры и искусств. – № 1 (49). – С. 60–64.
18. **Лишаев С. А.** Книжная культура в эпоху сетевой коммуникации (Об авторах, признании и о помощи трудностями) // Вестн. Самар. гуманитар. акад. Сер. «Филология». – 2010. – № 1 (7). – С. 3–12.
19. **Ленский Б. В.** Книжная культура: смена технологической парадигмы // Науч. и культур. взаимодействие на пространстве СНГ в контексте развития книгоиздания, книгообмена и науки о книге. – Москва : НИЦ «Наука» РАН, 2014. – Ч. 1. – С. 129–133.
20. **Маршалл Маклюэн.** Галактика Гутенберга: Сотворение человека печатной культуры. – Режим доступа: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3568> (дата обращения: 06.05.2020).
21. **Mike Shatzkin.** Atomization: publishing as a function rather than an industry. – URL: <https://www.idealogue.com/blog/atomization-publishing-as-a-function-rather-than-an-industry/> (дата обращения: 13.05.2020).
22. **Соколов А. В.** Книжная культура и экранная культура в социальной коммуникации // Лексикограф. Копилка : сб. науч. ст.; под науч. ред. В. В. Гончаровой. – Санкт-Петербург, 2020. – С. 4–20.
23. **Бруева Т. А.** Книга как феномен культуры: философский аспект : дис. ... канд. филос. наук. – Москва, 2006. – 170 с.
24. **Посадков А. Л.** Кризисы в книжной культуре как книговедческая проблема // Книж. культура: опыт прошлого и проблемы современности. К 90-летию науч.-исслед. ин-та книговедения в Петрограде : материалы Междунар. науч. конф. Москва, 24–25 нояб. 2010 г., отв. ред. В. И. Васильев. – Москва : Наука, 2010. – С. 275–279.
25. **Матвеева И. Ю.** Читать подано! Социальные сети в поддержку и продвижение чтения // Вестн. Челяб. гос. акад. культуры и искусств. – 2010. – № 3. – С. 25–31.
26. **Кривич Н. А., Чукуров А. Ю.** Книжная культура: вызовы современности // О-во. Среда. Развитие. – 2016. – № 4. – С. 110–115.

REFERENCES

1. **Kagan M. S.** *Filosofiya kultury* / M. S. Kagan. – Sankt-Peterburg : Petropolis, 1996.
2. **Kazakova G. M.** *O soderzhanii i kachestvennyh granitsah ponyatiya knizhnoy kultury* // Vestn. Chelyab. gos. akad. kultury i iskusstv. – 2012. – № 2 (30). – С. 71–73.

3. **Nizovoy N. A.** «Knizhnaya kultura» ili vse-taki «knigovedenie»? / N. A. Nizovoy // Kniga v inform. o-ve : materialy konf. 28–30 apr. 2014 g. Ch. 1. – Moskva, 2014. – S. 476–477.
4. **Lyutov S. N.** Metodologicheskie osnovaniya mezhdistsiplinarnykh issledovaniy sovremennoy knizhnoy kulture / S. N. Lyutov // Nauch. i tehn. b-ki. – 2019. – № 9. – S. 56–70.
5. **Sokolov A. V.** Rabochaya definitsiya knizhnoy kulture: preambula mezhnauchnogo dialoga // Bibliogr. – 2019. – № 5 (424). – S. 14–37.
6. **Slovar** teorii sistem. – URL: https://ru.qwe.wiki/wiki/Glossary_of_systems_theory ; Dictionary of system theory. – URL: https://ru.qwe.wiki/wiki/Glossary_of_systems_theory.
7. **Morgenshtern I. G.** Dinamika i statika knigi (stabilnost sodержaniya kak atribut knigi) // Kniga. Issledovaniya i materialy. – 2002. – T. 80. – S. 147–160.
8. **Vasilev V. I.** Kulturno-istoricheskoe prostranstvo i knizhnaya kultura: k voprosu ob evolyutsii vozzreniy (po materialam issledovaniy i publikatsiy poslednih let) // Knizh. kultura: opyt proshlogo i problemy sovremennosti. T. 1. Ch. 1. Kultur.-istor. prostranstvo i knizh. kultura. – Moskva, 2012. – 543 s.
9. **Sokovikov S. S.** Sudby traditsionnoy knigi v sovremennom kulturnom prostranstve // Krizis chteniya: sudby preodoleniya. – Moskva : MTSBS, 2013. – S. 33–41.
10. **Otchet** o nauchno-issledovatel'skoy rabote po teme «Provedenie kompleksnogo vserossiyskogo issledovaniya po problemam detskogo chteniya [Elektronnyy resurs]. – URL: http://sociss.ucoz.ru/_ld/0/15.pdf.
11. **Vdovina N. V.** Innovatsionnoe razvitie rossiyskogo obshchestva i detskaya kniga // Sovrem. problemy knizh. kulture: osnov. tendentsii i perspektivy razvitiya. – Minsk : Tsent. nauch. b-ka NAN Belarusi; Moskva : Nauch. i izd. tsentr «Nauka» RAN, 2015. – S. 23–27.
12. **Leeshaev S. A.** Knizhnaya kultura v epohu setevoy kommunikatsii (Ob avtorah, priznanii i o pomoshchi trudnostryami) // Vestn. Samar. gumanitar. akad. Ser. «Filosofiya. Filologiya». – 2010. – № 1 (7). – S. 3–12.
13. **Morgenshtern I. G.** Dinamika i statika knigi (stabilnost sodержaniya kak atribut knigi) // Kniga: issled. i materialy. – Moskva, 2002. – T. 80. – S. 147–160.
14. **Lenskiy B. V., Vasilev V. I.** «Galaktika Gutenberga» i informatsionnoe obshchestvo // Kniga: issled. i materialy. – Moskva, 2007. – Sb. 87. – Ch. 2. – S. 10–11.
15. **Grisfold Vendi, Makedannel Terri, Wright Nathana.** Chtenie i klass chitateley v HHI veke // Novoe literatur. obozrenie. – 2010. – № 2. – URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2010/2/chtienie-i-klass-chitatelej-v-xxi-veke.html>.
16. **Kazakova G. M.** Non-fikshn v sovremennoy knizhnoy kulture // Vestn. Chelyab gos. akad. kulture i iskusstv. – 2016. – № 3 (47). – S. 7–12.
17. **Kazakova G. M.** Meynstrim v sovremennoy literature: kulturologicheskiy aspekt // Vestn. kulture i iskusstv. – № 1 (49). – S. 60–64.
18. **Leeshaev S. A.** Knizhnaya kultura v epohu setevoy kommunikatsii (Ob avtorah, priznanii i o pomoshchi trudnostryami) // Vestn. Samar. gumanitar. akad. Ser. «Filosofiya. Filologiya». – 2010. – № 1 (7). – S. 3–12.

19. **Lenskiy B. V.** Knizhnaya kultura: smena tehnologicheskoy paradigmy // Nauch. i kultur. vzaimodeystvie na prostranstve SNG v kontekste razvitiya knigoizdaniya, knigoobmena i nauki o knige. – Moskva : NITS «Nauka» RAN, 2014. – Ch. 1. – S. 129–133.20.

20. **Marshall Maklyuen.** Galaktika Gutenberga: Sotvorenie cheloveka pechatnoy kul'tury. – URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3568>.

21. **Mike Shatzkin.** Atomization: publishing as a function rather than an industry. – URL: <https://www.idealogue.com/blog/atomization-publishing-as-a-function-rather-than-an-industry/> (дата обращения: 13.05.2020).

22. **Sokolov A. V.** Knizhnaya kultura i ekrannaya kultura v sotsialnoy kommunikatsii // Leksikograf. Kopilka : sb. nauch. st; pod nauch. red. V. V. Goncharovoy. – Sankt-Peterburg, 2020. – S. 4–20.

23. **Brueva T. A.** Kniga kak fenomen kul'tury: filosofskiy aspekt : dis. ... kand. filos. nauk. – Moskva, 2006. – 170 s.

24. **Posadskov A. L.** Krizisy v knizhnoy kul'ture kak knigovedcheskaya problema // Knizh. kultura: opyt proshlogo i problemy sovremennosti. K 90-letiyu nauch-issled. in-ta knigovedeniya v Petrograde : materialy Mezhdunar. nauch. konf. Moskva, 24–25 noyab. 2010 g., otv. red. V. I. Vasilev. – Moskva : Nauka, 2010. – S. 275–279.

25. **Matveeva I. Yu.** Chitat podano! Sotsialnye seti v podderzhku i prodvizhenie chteniya // Vestn. Chelyab. gos. akad. kul'tury i iskusstv. – 2010. – № 3. – S. 25–31.

26. **Krivich N. A., Chukurov A. Yu.** Knizhnaya kultura: vyzovy sovremennosti // O-vo. Sreda. Razvitie. – 2016. – № 4. – S. 110–115.

Информация об авторе / Information about the author

Казакова Галина Михайловна – доктор культурологии, проф., советник ректората Южноуральского государственного аграрного университета, Челябинск, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина, Сыктывкар, Российская Федерация
kazakovagm@mail.ru

Galina M. Kazakova – Dr. Sc. (Cultural Studies), Prof., Advisor to Rectorate, South Ural State Agrarian University; Chelyabinsk, Professor, Department of Cultural Studies and Pedagogical Anthropology, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University; Syktyvkar, Russian Federation
kazakovagm@mail.ru